

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Висящая зеленая селедка

ТЕКСТ И ФОТО: ЕВГЕНИЙ КОЗЛОВСКИЙ (EKOZL@EKOZL.RU)

Я почему-то запомнил давний, в детстве еще услышанный от отца анекдот его гимназических, дореволюционных лет. Один человек задает другому загадку: — Отгадай загадку. Что это такое: зеленая, висит и пищит? Тот мучительно думает, потом отвечает: — Не знаю. — Эх, ты! Это же селедка! — А почему — зеленая? — А я ее покрасил. — А почему — висит? — А я ее повесил. — А почему пищит-то?! — А это — чтоб ты не догадался...

Подобных загадок я не люблю. Скучно. А вот загадки, разгадке в принципе поддающиеся, хоть (и даже особенно) не сразу, — это другое дело. Я скажу больше: любое произведение искусства, из какого жанра и вида ни возьми, просто обязано быть загадкой. Иначе это не произведение искусства, а в лучшем случае — его копия или стилизация под него. Ибо открытие бывает один только раз, — что отлично выражено в максиме про изобретение велосипеда, — и как искусно ни повторяй однажды открытое, — на этом можно сделать имя, сделать деньги, — но художником не станешь никогда. Больше того: варьируя и перепевая даже собственное подлинное открытие, постепенно художником быть перестаешь. Помню, как пару десятков лет назад в Москву, в Пушкинский, привезли огромную выставку Марка Шагала. Отстояв несколько часов, я попал на нее, и нет слов рассказать, насколько разочаровался в Шагале: вслед за парой первых залов, полных открытиями (хорошо знакомыми по репродукциям), зал за залом пошли автореплики и перепевы. Конечно, я внутренне Шагала оправдал вполне: надо ж ему было в парижской эмиграции с чего-то жить, не таксистом же, право, работать, — однако...

В общем, самое главное — произведение искусства просто обязано удивить. Иной раз удивление бывает очень глубоким и преследует тебя всю жизнь — как, например, от поэм Гомера, «Дон Кихота» или «Мастера и Маргариты»

Булгакова. Иногда — мгновенным, но все-таки настоящим, вызывающим искреннюю улыбку радости или даже какое-нибудь междометие вслух. Искусство фотографическое в этом смысле, возможно, по своей натуре склонно к удивлениям маленьким — впрочем, точно сказать я не берусь, потому что по сравнению с литературой или, скажем, скульптурой, оно еще на удивление молодо, так что не исключено, что у него все впереди. Оно уже и сегодня дало несколько примеров удивления глубокого, когда не удовлетворяешься первой радостью удивления при знакомстве, а хочется повесить снимок на стену и извлекать из него все новые и новые, все более глубокие, степени удивления.

Но, в сущности, от нас глубина удивления, которую мы выставляем на суд публики, зависит не слишком сильно, во всяком случае, если мы не пренебрегаем трудом: это — результат таланта и прожитой судьбы. Однако вещь без удивления вообще просто недостойна демонстрации — хоть даже собственной жене. Помнится, великий Сергей Эйзенштейн, в ту пору еще кино не снимавший, а ставивший театральные спектакли, сочинил термин «монтаж аттракционов». Я долго думал над тем, что сей термин значит, пока не догадался: в любом хорошем произведении продолжающегося (литература, театр, кино) искусства каждый законченный эпизод должен нести в себе элемент удивления: формой ли, сюжетом, словом... Был какой-то очень давний фильм, из которого я запомнил только одно: герой спит где-то в тропиках, под москитной сеткой; звонит будильник, и герой останавливает его прямо сквозь ткань сетки... Аттракцион и, увы, кажется, в том фильме единственный.

Фотография — если не касаться серий и специально сделанных альбомов, которые, впрочем, «продолжающимся искусством» я рискну назвать только в очень и очень редких случаях (чаще всего — это формальная пристыковка, объединенная не художественной идеей, но местом или, скажем, временем съемки, изредка — ее объектом), — фотография не может быть «монтажом» аттракционов. Тем более требовательно мы обязаны относиться к тому, чтобы каждый снимок был аттракционом наверняка. Очень везет, когда зерном аттракциона, обычно глубокого, оказывается невероятно пронзительный взгляд портретируемого или застигнутое невероятное событие, лучше всего — содержащее эмоции его свидетелей. Но везет не часто, и порой приходится либо придумывать аттракцион за счет, например, какого-нибудь очень редкого или могучего объектива, какого-нибудь монокля или макро 5 : 1. Или — ракурса. Но такие, придуманные, удивления в большинстве случаев напоминают зеленую пишущую селедку. А чтобы была не селедка, надо стараться видеть вокруг удивительное. Ну, как минимум, удивляющее тебя: тогда есть шансы (зависящие от того, с каким количеством людей ты находишься в резонансе, — и вот это уже от тебя не зависит), что удивятся и зрители.

Мысли мои, в общем, не слишком свежи (особенно если учесть приведенного в пример Эйзенштейна с его девностолетней давности термином), однако, похоже, обретают сегодня особую важность и остроту, и вот почему. Прежде произвести какой-нибудь артефакт было долго, трудно и дорого. Художники прошлого частенько сами растирали краску, купить холст даже Рембранту было не пустяк... А учеба! Поэтому они брались непосредственно за дело, во-первых, после долгих обдумываний, во-вторых — в ре-